

Миляуша ИДРИСОВА,
кандидат искусствоведения

Ильгам Валиев: «ВголосетенорадолженбытьМужчина»!

Этот материал складывался из нескольких бесед с заслуженным артистом РБ, лауреатом Государственной молодежной премии имени Шайхзады Бабича, Национальной театральной премии «Золотая маска» Ильгамом Валиевым.

Впервые певца по имени Ильгам Валиев я услышала на одном из студенческих концертов Уфимской государственной академии искусств имени Загира Исмагилова. Он спел башкирскую народную песню «Тафтиляу» так проникновенно, с такой щемящей интонацией, что надолго запал в душу... Затем была встреча на Республиканском конкурсе молодых певцов имени Г.Альмухаметова, где Ильгам был удостоен 2-й премии. Его удивительно тёплый, я бы сказала, ласковый, тенор каждый раз поражал органичностью в любом репертуаре — будь то западноевропейская или русская классика, романс национального композитора или народная песня.

Ильгам Валиев

Удивляло по-взрослому осознанное отношение юного певца, тогда еще совсем подростка, к профессии, к сцене. Серьезный, всегда сосредоточенный, казалось, он таит в себе какое-то особенное Знание, и не торопится выплеснуть его на публику. О том, что это было за знание, я поняла постепенно, наблюдая за продвижением Ильгама Валиева в искусстве. Мне кажется, что свой путь он воспринимает как безостановочный процесс постижения Музыки и благоговейного ей служения.

Валиев Ильгам Фагимович родился 19 июля 1975 года в деревне Имянкулево Чекмагушевского района Республики Башкортостан.

В 2004 году окончил Уфимскую государственную академию искусств имени Загира Исмагилова по специальности «сольное пение».

В 2001 году награждён Государственной молодежной премией имени Шайхзады Бабича.

С 2002 года — солист Башкирского государственного театра оперы и балета.

В 2008 году удостоен почётного звания Заслуженный артист Республики Башкортостан.

С 2010 года — солист Екатеринбургского государственного академического театра оперы и балета.

В 2012 году награждён специальным призом жюри Национальной театральной премии «Золотая маска».

— Ильгам, Ваш выбор профессии кажется немного странным для сельского парня...

— Да, я неожиданно для себя «открыл» искусство оперы. Я рано начал петь, участвовал в деревенских смотрах художественной самодеятельности, пел и играл на баяне. В нашем доме все любят музыку. Мой отец всегда работал на руководящих должностях и, когда приезжали на гастроли концертные бригады, он обязательно приглашал артистов в гости. Были у нас певцы и из нашей филармонии, и из Казанской, даже Хайдар Бегичев у нас дома бывал... Училище искусств я заканчивал, мечтая о карьере эстрадного артиста.

— Как же получилось, что Вы решили кардинально изменить свой выбор?

— Я учился в академии искусств, когда в Башкирском государственном театре оперы и балета началась грандиозная постановка последней оперы Загира Исмагилова «Кахым-туря». Там есть эпизодическая роль Часового, на которую неожиданно пригласили меня. Роль маленькая — надо было куплет башкирской народной песни «Эскадрон» спеть. Во время работы над этой постановкой у меня какой-то переворот в мозгах случился, для меня открылся совершенно другой мир! Сама постановка театральной жизни: сцена, декорации, оркестр...

— Она Вас заворожила?

— Да! С этого момента я решил идти только по классическому направлению, только в оперу!

— Наверное, для начинающего певца это действительно было необыкновенно: красивая постановка, затем — выступление в Москве, которое повлекло за собой премию «Золотая маска»¹...

— Конечно! Это было для меня незабываемое, принципиальное событие, повлёкшее за собой много знаменательных встреч. Тогда в театре работал прекрасный дирижёр, выдающийся музыкант Алексей Анатольевич Людмилин, режиссёром-постановщиком был Эркин Габитов, приглашённый из Мариинского театра. Это удивительно, но сейчас, куда бы я ни ездил, я всё время попадаю на спектакли Габитова. В Екатеринбурге ли, в Алматы ли, в Санкт-Петербурге — приходится работать в его спектаклях, чему я очень рад. Встреча с Габитовым, с Людмилиным многому научила меня. Это важно, когда есть люди, которые действительно способны научить чему-то в профессиональном плане.

Вот я прекрасно помню, как с Габитовым ставили «Иоланту», «Алеко», я ещё был студентом. В «Алеко» пел партию Молодого цыгана. Тогда для меня,

¹ В 2004 году спектакль БГТО и Б «Кахым-туря» в рамках конкурсного просмотра национальной театральной премии «Золотая маска» был показан в московском театре «Новая опера» и отмечен в номинации «Лучший оперный спектакль». — *Авт.*

студента, примы-солистки театра были на недосягаемой высоте. Я не знал, как себя вести, куда себя деть, стеснялся, а там надо любовные сцены играть. Это было невообразимо сложно для меня! Габитов всё понял, подозвал меня, сказал «пару ласковых» — и всё, дело пошло. Он меня раскрепостил в актёрском смысле.

А в академии я попал в руки замечательного педагога Марата Магафуровича Хисматуллина. Все мои театральные партии я делал с ним, и чисто вокально, и мизансцены, вплоть до походки, до жестов. Марат Магафурович меня сделал тем артистом, кем я сейчас являюсь, это мой второй отец. Мы понимаем друг друга с полувзгляда. Он до сих пор следит за моей работой, я привожу ему свои записи, он внимательно отсматривает их, а потом в три ночи может позвонить, и начинается «разбор полётов»... Я всегда прислушиваюсь к нему, потому что у оперного певца обязательно должны быть «глаза со стороны». Он, конечно, очень переживал, когда я уехал в Екатеринбург, чуть не плакал... Я ему говорю: «Марат Магафурович, что ты переживаешь, это 500 километров всего, буду приезжать! Ты меня провожаешь, как сына на войну...» (смеётся). Мне повезло, что я встретился с Маратом Магафуровичем, мы с ним всё время на связи, созваниваемся. Слава богу, мне в принципе везёт на хороших людей — и по жизни, и по профессии.

— **Ваше обучение началось в Уфимском училище искусств...**

— Да, мой педагог по вокалу — Фарзана Фаткулловна Сагитова, я у неё 9 лет учился. Много было сложностей... У меня характер не совсем податливый, наверное, было непросто найти правильный путь в вокале. Смешно сказать, но ведь я пришёл учиться с мыслью о том, что я уже классный певец, ведь меня в деревне все знали как артиста! Перебороть это было трудно, но мы нашли общий язык, потом у нас все пошло блистательно, хорошо закончили училище, и затем — ещё 5 лет в академии вместе. Между нами всегда было взаимопонимание. Фарзана Фаткулловна учила не только вокалу, она учила, как надо жить, как вести себя, как разговаривать... Это очень важно, когда есть взаимное доверие, честность и откровенность. Тупо следовать указаниям педагога — тоже неправильно, надо самому искать пути, и об этом надо говорить с педагогом начистоту. Слава богу, всё это у нас получилось.

Годы учёбы — особая страница жизни для всех, это и школа жизни, и друзья, и педагоги... Но потом, когда переходишь в театр — это совершенно другая школа, совершенно другой мир. В театре учиться надо всему заново. Башкирский театр стал важным местом для начала моего пути, потому что здесь, когда я начинал, такие аксакалы, такие мастера работали! Было многое поначалу непонятно, потому что наработанное в академии здесь не всегда «стреляет». Поэтому я старался ходить на все спектакли, на все оркестровые репетиции, обязательно слушать других: из зала, из-за кулис, в классе. Всё это было необходимо. Раз ты заявил себя артистом театра, надо соответствовать партнёрам-мастерам.

— **И потом, работа оперного певца — это же бесконечный процесс, начинающийся с каждой новой партией заново...**

— Да, бесконечный процесс... Об этом можно говорить часами. Всю нашу «кухню» и рассказать невозможно, поймёт лишь тот, кто сам прошёл через это.

— **С другой стороны, если не дано свыше, учишься хоть девять, хоть девятнадцать лет — толку будет мало... Это должно быть дано Богом, природой. Согласны?**

— Голос, талант, способности — это, конечно, даётся сверху, и об этом надо всегда помнить и быть благодарным Всевышнему за это. Певец, актёр —

это проводник, и надо соответственно себя вести. Раз Бог тебе дал через твоих родителей такой дар, раз дано тебе петь, тем более в опере — ведь это очень серьёзное, элитное искусство — надо быть благодарным за это.

— **Какие Вы себе ставите требования?**

— Оперный певец — это комплекс многих свойств. Очень многое должно сойтись вместе, чтобы певец состоялся. Это и характер должен быть, и ум, и трудоспособность, и желание петь, и многое другое... Я считаю себя удачливым человеком в жизни, «Аллага шөкөр». Мне везёт на хороших людей. Очень повезло с родителями: с детских лет дома прививалась любовь к творчеству великих певцов. Дома постоянно звучали голоса Магафура Хисматуллина, Фариды Кудашевой, Ильгама Шакирова — в честь него меня назвали Ильгамом. Этот основной костяк певцов того времени у меня в крови, в жилах — башкирские народные песни, татарские народные песни... Это всё во мне заложено. Спасибо родителям, что воспитали на хорошей музыке. Ведь, когда база заложена, это подпитывает всю жизнь.

— **Вы как-то упомянули, что были «фанатом» Ильгама Шакирова...**

— О, у меня был фанатизм до сумасшествия просто! Я собирал его пластинки, умудрился их записать на кассетный магнитофон. На стеллаже над моей кроватью стоял магнитофон, я просыпался под его записи и засыпал. Позже, когда поехал на конкурс в Казань, такое счастье было встретиться с ним — словами не передать! Представьте: такое божество — сам Ильгам Шакиров стоит в метре от меня! Я был как в тумане, это казалось невероятно, необъяснимо! Встреча с ним казалась фантастикой.

*И.Валиев в партии Ивана Лыкова в опере Н.А.Римского-Корсакова
«Царская невеста»*

— **Сейчас, слушая его записи, испытываете те же чувства?**

— Есть у меня и другие любимые певцы, но Шакирова могу слушать всегда. Когда еду в Екатеринбург — слушаю в машине. Эти записи живые, под живой аккомпанемент, там нет «химии», как сейчас записывают. Это просто обалденно... Энергетика, «моң», слушаешь и забываешься. Причём, я не анализирую вокальные качества. Обычно как певцы певца слушают: там не то, и тут не так... И пошло обсуждение. Когда идёт энергетика от певца, когда «пробирает до мозга костей» — я просто забываю о вокальной технологии, о том, что и как сделано, я просто слушаю.

— **Сейчас Вы уже далеко обошли Вашего кумира...**

— Ой, нет, это абсолютно не так. Для меня он всегда останется номером один. Сейчас слово «звезда» стало заезженным, не хочется произносить шаблонные слова... Ильгам Шакиров — одна из недосягаемых вершин для меня. Такие певцы рождаются ли ещё — не знаю. Это просто такое чудо во всём мусульманском мире!

— **Вы — требовательный слушатель? Что испытываете чаще: наслаждение от процесса творчества, или наоборот, огорчение?**

— По отношению к себе я очень требователен. Вообще, выходя на сцену, нельзя думать, что на работу выходишь. Это не должно быть работой. В общепринятом смысле, конечно, это работа, потому что я артист, и за эту работу зарплата идёт... Но на сцене это должен быть такой процесс, когда ты, как проводник, действуешь на людей, и должен своим голосом, своим пением что-то донести до них. Чтобы кто-то заплакал или засмеялся... Я не ставлю перед собой задачу выйти и ошарашить своим вокалом. Выходя на сцену, попадаешь в другой мир. За какие-то два часа ты живёшь жизнью своего героя... Это не работа, это — жизнь! Но бывают случаи, когда не можешь войти в струю, когда тупо выполняешь то, что надо: двигаешься по сцене, поёшь. Тогда это превращается в работу, ты просто обрабатываешь роль.

— **А что мешает войти в струю?**

— Мы же все живые люди, всякое бывает... Ощущение после такого спектакля тяжёлое. Как будто занял деньги и не отдал (смеётся). Неудовлетворённость от того, что не донёс до зрителя то, что хотел, что мог. Не зря ведь сцена стоит высоко, с этой высоты мы должны что-то нести хорошее, доброе, чтобы люди задумались, порадовались, захотели ещё прийти в театр. Поэтому всё это не просто.

— **Вас увлекает то, что творится в оперном мире сегодня?**

— Больше огорчает, потому что много стало бездарных постановок. Часто на первое место ставится режиссёрская мысль, и это плачевно.

— **Считаете это неправильным?**

— Не скажу, что неправильно. Должна быть мера и соответствие музыкальному материалу, авторскому замыслу, эпохе, когда создавалась опера.

К примеру, человек идёт, скажем, на «Травиату» — всем известный сюжет. И по пути в театр, скажем, случайно его кто-то толкнул или «подрезал» машину. Уставший после работы человек, и ещё на улице его цыпанули. И вот приходит он в театр, садится в партер в предвкушении встречи с прекрасной музыкой. Открывается сцена, а там — то же самое, что творится на улице — хамство, серость: герои в серых костюмах или в джинсах, в кожаных или, как сейчас модно, в военных одеждах с автоматами вместо шпаг... То есть серость с улицы поднимается на сцену. Зачем? В чём смысл? Чтобы люди не забывали о том, как

всё плохо в нашей жизни? Наоборот, театр существует для того, чтобы человек видел со сцены красивое!

— **А вам часто приходится участвовать в таких постановках?**

— Приходится. Артист — подневольный человек, сопротивляться в одиночку этому тяжело, можешь лишиться работы... Поэтому приходится себя ломать, делать из себя такого же хама, которого встречаешь на улице. А ведь этот дискомфорт отражается в голосе, в манере, и ты начинаешь так же по-хамски петь. Красивую музыку начинаешь петь как обычную попсу. От этого мало удовольствия. Очень редко бывают хорошие попадания, когда классическая опера в трактовке какого-нибудь суперсовременного, раскрученного режиссёра не мешает воспринимать музыку. Чаще они совершенно не пересекаются, и надо или затыкать уши и смотреть картинку, или закрывать глаза и слушать музыку... Это и вокально, и актёрски очень тяжело. Такая ломка получается!

— **Вам удалось спеть оперу «Риголетто» Верди в нескольких постановках с разными трактовками. Это и Уфа, и Екатеринбург, и Санкт-Петербург... Какая из этих постановок ближе Вам по духу?**

— Действительно, партию Герцога в «Риголетто» я очень много пою. Первая постановка была здесь, в Уфе, с прекрасным дирижёром, прекрасным музыкантом Робертом Лютером — от него я тоже очень многое взял. Тогда какая-то форс-мажорная ситуация была, буквально за неделю поставили оперу, работали увлечённо... Потом я пел в Перми, в Челябинске, в Казани, в Мариинском театре. Это были классические постановки, в которых соблюдаются ремарки автора: если по сюжету у героя в руках должна быть шпага — значит, будет шпага, а не автомат. Ну вот, а в Екатеринбурге недавно решили удивить публику, сделали суперсовременную постановку. В принципе, сюжет оперы актуален и сегодня: в нём акцентируется опасность вседозволенности, показывается мир безбашенных, жестоких людей, где всё решают деньги. Вот там было трудно. Надо было в корне себя перестраивать, потому что режиссёром была задумана сверхжесткая подача роли, сверхироничная. Герцог преподносится до того циничным, что, приходя к Джильде, он даже не скрывает, что откровенно играет с ней, даже не пытается изображать влюбленность... Там ещё была и другая особенность. Режиссёр, в общем-то талантливый человек, но мыслит по-киношному, мелкими штрихами. В театре ведь всё должно быть широко, мелкие мизансцены не всегда читаются, в итоге зритель не всегда понимает, что мы делаем на сцене. Очень много суеты, телодвижений, которые не помогают, а мешают. А ведь музыка там не простая, там есть что попеть. Было тяжело отходить от классического «Риголетто».

— **В этом году в Вашем гастрольном графике появился важнейший пункт: Санкт-Петербургский Мариинский театр, с чем я Вас поздравляю!**

— Да, это большое событие в моей жизни. Наверное, можно было бы чаще петь на таких больших сценах. Для меня сложность заключается в том, что многие певцы работают с агентами, а у меня агента нет. Тяжело одному пробиваться...

— **Расскажите о Вашем дебюте в Мариинке. Судя по видеофрагментам, это очень красивый спектакль...**

— В Мариинском был очень простой и красивый спектакль. Единственной сложностью для меня вначале показалось то, что он проходил на новой сцене, так называемой Мариинке-2, а это огромная сцена, огромный зал на две тысячи человек. Конечно, было внутреннее волнение, как это пространство заполнить звуком. Я боялся, что начну выжимать из себя, и сил не хватит. Но, когда репе-

тиции начались, заиграл оркестр, и оказалось, что акустически очень хороший зал, там петь очень удобно, и волнение у меня совершенно пропало. Партнёры были замечательные, помогали мне во всём.

— **Выступить на такой сцене — это большая удача для любого артиста...**

— Помог случай. Андрей Геннадьевич² на новые постановки часто приглашает режиссёра, дирижёра, коуча из Большого, Мариинского. И во время постановки «Бориса Годунова» к нам приехала Соболева — из концертмейстеров-«первачей» Мариинского театра. Во время репетиций она обронила: «Не хотите ли прослушаться у нас?» Но в то время я был очень занят и пропустил этот момент. Через год-два стал задумываться, нашёл её телефон, дозвонился, а она мне: «Чё не приезжаешь?! В ноябре планируется прослушивание, приезжай!» Поехал в Петербург в ноябре, меня прослушали и сказали: «Вы нам интересны, но надо, чтоб послушал сам Гергиев. Не волнуйтесь, мы Вас сами найдём». Так я уехал тогда ни с чем. Через какое-то время получаю письмо: «Завтра Гергиев будет Вас слушать!» Срочно собираюсь и вылетаю вечером в Питер, но выясняется, что у Валерия Абисаловича весь день занят на репетициях. К нему вообще подойти невозможно, он сверхзанятый человек, вокруг него постоянно толпа народу — человек двадцать-тридцать, очень плотное расписание... Мне сказали: «Приходите завтра», как Фросе Бурлаковой. Ну, завтра так завтра, просидел день на репетициях Гергиева. В антракте поймали Валерия Абисаловича и он, послушав буквально две фразы, остановил меня и сказал: «Я всё понял. В феврале дайте ему спектакль...» В итоге я спел «Риголетто» на сцене Мариинки. Так вот, это всё из каких-то случайностей получается...

— **Как Вы выдерживаете такой напряжённый график жизни?**

— Я не скажу, что уж очень он напряжённый. Вот бывало, раньше запарка была: я много пел здесь, потом нёсся в Екатеринбург, потому что какое-то время там замены не было. Надо было и в Пермь успеть, и в Челябинск. Вот это была напряжёнка. Сейчас работа идёт по накатанной дорожке, более спокойно.

— **А Вы слушаете записи других певцов, известных?**

— Да, стараюсь быть в курсе событий. Чаще всего слушаю Лучано Паваротти из теноров, он мне очень близок. Это тоже уникальное явление в оперном искусстве, не любить его невозможно. Делая свои новые партии, в первую очередь ищу в интернете его записи. Послушаю его, и материал становится более понятен, становится ясно, как делать трудные места. Люблю и крепких теноров — дель Монако, Франко Корелли, обожаю Кауфмана — тоже явление! Не люблю слащавых теноров. Люблю Лемешева — там поют огромная душа и сердце.

— **Сейчас интернет открывает большие возможности, в сети можно найти всё, что угодно...**

— Да, море уникальных записей! Было бы только желание послушать.

— **Не угрожает ли это потерей индивидуальности?**

— Думаю, нет. Когда мы учились, нам твердили, что не надо слушать других, нельзя копировать! А почему нет? Я, наоборот, пытался копировать, искал ходы, приёмы, пробовал эти приёмы на себе. Так что я не согласен с этим утверждением. Я считаю, что это только на благо певцу — надо слушать и пытаться копировать хороших певцов, это великое дело! Ведь всё равно у каждого своя психофизика, а приобщение к искусству великих может раскрыть твои возможности.

² Андрей Геннадьевич Шишкин — директор Екатеринбургского академического театра оперы и балета. — *Авт.*

— В последнее время у Вас были яркие музыкальные впечатления, которые, может быть, что-то изменили или существенно повлияли на Вашу жизнь?

— Да! Музыка «Трубадура». Это великая опера! Я влюбился в эту музыку, в ней каждая ария — что у Феррандо, что у Манрико или Азучены — это красивейшие концертные номера. И как Верди умудрился написать столько прекрасных мелодий в одной опере! Она ведь и по сюжету прекрасна. Я, конечно, люблю и «Риголетто», и «Травиату», и «Аиду»... Верди гениален в плане мелодичности. Но «Трубадур» совершенно уникален в этом отношении. Может, мне пока так кажется...

— В Алматы состоялся Ваш дебют в этой опере. Вы довольны этой работой?

— Многим доволен. Прекрасный театр, прекрасные люди там живут, хорошо всё организовано, партнёры великолепные! Ну и спектакль прошёл удачно. Доволен, что после спектакля ещё остался голос. Это ведь как индикатор — когда после таких сложных спектаклей, как «Тоска», «Богема» или тот же «Трубадур», голос остается, чтобы ещё что-то попеть, значит, ты справился с партией. Такую красоту нельзя плохо петь, там поёшь-заливаешься, оно само идёт.

— Многим певцам перед спектаклем надо выдерживать особый режим. У Вас он какой?

— Режим вокалиста, это, действительно, особый случай. Самоконтроль — на первом месте, без этого нельзя. Если знаешь, что у тебя завтра ответственный спектакль, да если даже и не самый ответственный, ты должен ограничивать себя во многом. Главное — быть здоровым, конечно! Когда ты здоров — можно спеть всё. А когда чувствуешь, что нездоров — самоконтроль зашкаливает, ты каждую минуту должен контролировать свой голос, потому что на сцене это может вылезти таким «сюрпризом»!..

Самоконтроль — это одно, но, кроме того, обстановка вокруг тебя должна быть соответствующая, необходимо душевное спокойствие. У певца должен быть очень крепкий «тыл». Я считаю себя очень удачливым в этом отношении, у меня трое детей, прекрасная супруга, которая посвятила себя семье. И моя семья в данный момент работает только на меня. Конечно, я, как глава семьи, решаю её проблемы, но все житейские вопросы — на плечах супруги Лейсан, она меня буквально оградила от бытовухи. Я даже не знаю, куда и сколько платить за коммунальные дела... (смеётся). Если дома всё хорошо, с детьми всё налажено — это многое решает. Иногда меня спрашивают: «А кто Ваша супруга?» Я отвечаю: «Она — жена тенора!» (смеётся). Это как особая профессия, потому что мои капризы бывают иной раз хуже, чем у малолеток. Всякое ведь в жизни бывает — это на сцене кажется, что у артиста всё отлично... Терпеть все выходы певца, тем более тенора — не очень просто. Лейсан пока ведёт все наши семейные дела, и одновременно БГУ оканчивает. Она ещё и первый мой критик, хоть и не имеет музыкального образования — я считаю, что это совсем не обя-

*Сцена из спектакля Екатеринбургского театра оперы и балета
Дж.Пуччини «Богема». Рудольф — И.Валиев*

зательно. Я к ней всегда прислушиваюсь, потому что Лейсан находит способы так указать на какие-то ошибки, чтобы это было воспринято мною правильно, не болезненно. Друзья тоже могут сказать о моих промахах, но она умудряется это делать по-особому...

— **Вы сказали, что человек поющий должен быть здоровым. Что делаете для поддержания здоровья?**

— Ну... пью витамины. Ежедневная физкультура — это однозначно, форму надо поддерживать. С детства в хоккей играл, была мечта стать хоккеистом. Но вокал с хоккеем совмещать очень трудно. Скажем, зимой в минус двадцать градусов я не пойду кататься. Если я покатаюсь, хватит получаса, чтобы надышаться холодным воздухом. А это значит, на месяц я уже не певец... Для меня это катастрофа.

— **Вот и весь спорт, да?**

— Ну да, а куда деваться... Хотя, при желании можно и бегом заняться, но у нас же, у певцов, есть ещё великая лень: для того, чтобы голос звучал как надо, нам ведь надо хорошо поесть и хорошо поспать! Это тоже немаловажно.

— **Это, наверное, не лень, а профессиональная необходимость для любого вокалиста!**

— Иногда меня бесит, что я трачу на отдых много времени. Нет, чтобы пойти прогуляться! А я не могу, потому что на улице сыро. Я люблю, конечно, под дождем гулять или в буран — это просто счастье. Но опять-таки нельзя простужаться. Это непозволительная роскошь!

— **Работаете Вы очень много. А вокалом занимаетесь регулярно?**

— Каждый день. Только если накануне пел слишком много, иногда я позволяю себе один день помолчать.

— **Как Вы готовите новые партии? Вам это трудно даётся?**

— Нет, когда любимая музыка — это просто праздник. Сейчас я с нетерпением жду начала работы над «Кармен». Это гениальная музыка, я люблю партию Хозе, этот образ подходит мне по темпераменту! Вот такие партии учатся легко, музыка сама собой ложится на душу. А если по стилю не подходит, то и учиться долго, всё время находятся какие-то отмазки, чтобы отложить на потом.

— **Получается, что Ваш репертуар в основном состоит из заранее известных Вам произведений. А часто ли приходится встречаться с совершенно незнакомой музыкой, незнакомыми стилями?**

— Недавно, примерно год назад, была первая встреча с Вагнером. В принципе, к этому композитору всегда по-разному относились. Есть любители вагнеровской музыки, есть нелюбители. Это очень сложная для восприятия музыка. У меня, к примеру, от Вагнера «депрессняк» начинается... (улыбается). Я не могу это долго слушать, начинаю нервничать. Мне пришлось выучить в «Летучем голландце» партию охотника Эрика. Не скажу, что это не моё, есть красивая каватина, и по голосу партия мне очень подходит. Но я не могу от неё получать наслаждение, как от Верди или Пуччини. Объяснить это я не могу, почему так происходит. Говорят, что в каждом заложен определённый код... Видимо, вибрации музыки Вагнера с моими вибрациями не совпадают! Недавно слушал концерт немецкой музыки с любимым певцом Йонасом Кауфманом, и знаете, странное ощущение: во мне две силы «подрались». Это гениальный певец, безупречный вокал, сам красавец. Но тяжесть немецкой музыки, особенно Вагнера, я еле дослушал.

— **Каков диапазон вашего голоса сейчас? Бытует мнение, что большой диапазон — это проблема для певцов...**

— Сколько учился, и сейчас учусь петь, но в этой технологии не разбираюсь вообще. Есть певцы, которые мыслят чисто математически. Я же на слух всё воспринимаю, и пою «по внутреннему удобству». Я слушаю себя, и если это красиво, если это звучит — значит, хорошо. Никогда не думал, как надо дышать и куда посылать звук. И с Фарзаной Фаткулловной, и с Маратом Магафуровичем всегда шли за красотой звука, звуковедения. Вот это было главным.

Диапазон, как полагается у тенора — две октавы, от «до» до «до». Для оперного певца это абсолютно необходимо. От тенора ведь публика ждёт верхних нот, поэтому стабильные верха необходимы. Но с этим тоже надо быть осторожным. Бывают такие певцы, которые «бегают» за верхним регистром... Я люблю теноров, в голосе которых есть мужчина, а не пищалка. Не люблю теноров-«козлетонов». Должен быть мужчина в голосе тенора!

Особенность российских певцов — петь душой. Если пение не идёт от сердца, даже при самой великолепной школе, от такого пения радости мало. Надо петь то, что по душе. Например, мне не даются романсы Чайковского, а вот Булахова, русские народные песни люблю, Рахманинова обожаю — здесь попадание стопроцентное. Наверное, для исполнения любой музыки надо внутренне созреть, чтобы не было насилия над собственной природой. Ведь, когда музыка внутренне близка, живешь в ней! И зритель это слышит, чувствует сразу.

— Что Вас может обескуражить на сцене?

— На сцене бывает всякое. Иной раз даже привычные спектакли неожиданно для себя играешь совершенно по-другому. Для этого достаточно нечаянного жеста или движения партнёра — может, человек разволновался, забыл что-то сделать, и всё — пошла цепочка импровизаций. Получается интересная игра, которая захватывает. Иногда случаются казусы, особенно с приглашёнными артистами... Ну не может в театре всё быть выверено до миллиметра, надо быть всегда готовым к импровизации. Приведу слова Марата Магафуровича: «Живите на сцене, действуйте по обстановке!»

— Как складываются отношения с прессой?

— По-разному. Бывает, что пресса удивляет. К примеру, в рецензии на «Летучего голландца» Вагнера один умник написал, что «...у Валиева не хватило голоса, наверное, устал». Было неприятно, я не мог понять, где устал, где не хватило голоса... И потом понял, что это о фрагменте, где я спел *mezza voce*³, как написано у Вагнера. А другой критик в той же Москве и об этом же спектакле написал: «Так великолепно сделано, в полном соответствии с ремарками автора! Согласованная работа дирижёра и певца...» В общем, я понял: пишите, что хотите, я сам знаю свои плюсы и минусы! Всем не угодишь. Ещё хуже, когда все хвалят, я этому тоже не верю. Не может быть всегда хорошо. Это обманчиво и опасно.

— Вам легко открываться перед представителями прессы?

— Легко, когда умный человек задаёт вопросы, когда видишь, что журналист знает, что такое опера, хорошо разбирается в этом. Бывает и по-другому, когда стыдно за него и за себя. Видишь, что журналист не знает, откуда открываются двери оперного театра, не понимает, о чём надо вести речь. В итоге не знаешь, как отвечать на глупые вопросы...

³ *mezza voce* (итал.) — вполголоса.

— **Как выходите из неприятных, проблемных ситуаций?**

— Все мы живые люди. Бывают очень сложные ситуации... Слава Богу, моя Лейсан очень умный человек, она верит, что всё в жизни можно преодолеть. Её спокойствие, её мудрость, её поддержка выводят из таких ситуаций. В трудные моменты она всегда рядом. Естественно, как верующий человек, я и в мечеть схожу, чтобы посидеть, поймать тишину. Я не фанатичный мусульманин, но я знаю, верю, что есть Всевышний. Точно так же могу зайти и в храм, поставить свечку, полюбоваться красотами церкви, с удовольствием послушать хоровое пение. Для меня это не проблема, я думаю, что всё равно все религии когда-то сольются в одну, и это будет очень хорошо. В вере я нахожу спокойствие. Это действительно работает, когда поставишь свечку, или послушаешь звуки Корана. Я верю: всё, что даётся и отнимается — предрешено сверху, от этого мы никуда не уйдём. Надо это всегда помнить и быть благодарным судьбе.

— **Остаётся время на хобби?**

— О хоккее я уже говорил — по возможности. Я ведь ещё заядлый автомобилист, на каждой своей машине проехал по 120—130 тысяч километров, то есть, по 3 раза объехал вокруг земного шара! Люблю ездить, особенно ночью, когда трасса свободна. Это меня не напрягает, за рулем спокойно преодолеваю большие расстояния.

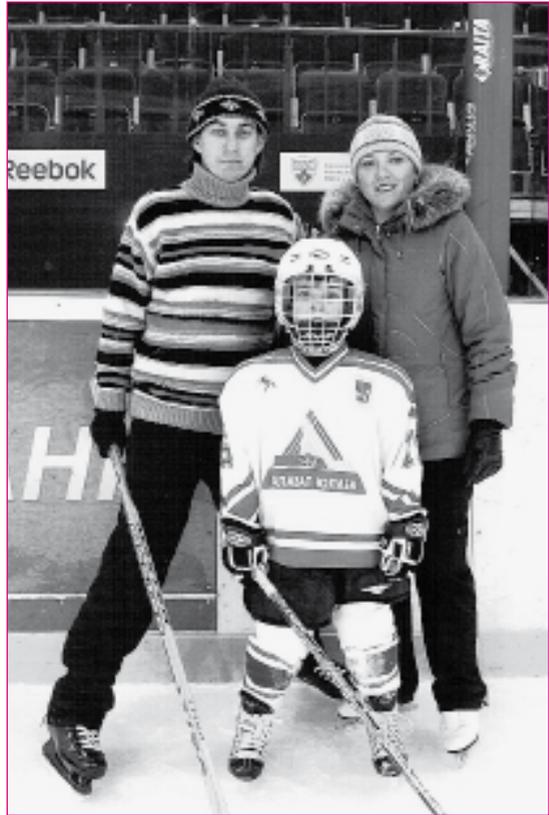
— **Вы сейчас работаете в двух театрах одновременно — в Уфе и Екатеринбурге. Почему так получилось?**

— Это был 2010 год... Наверное, подходил какой-то рубеж, себя надо было двигать, расти дальше. И потом, начинался в Уфе у меня какой-то застой, ничего нового не ожидалось в дальнейшем.

— **Я бы не сказала, что у Вас был когда-то застой. Вы всегда были востребованы, были и почётное звание, и премия...**

— Звание — это, конечно, хорошо. Но для начинающего певца нужен репертуар. Я пел один спектакль в месяц или два, одно и то же, одно и то же... И это стало меня волновать. В это время в Екатеринбурге собирались ставить «Богему», и там нужен был тенор. А партия Рудольфа — одна из красивейших, моих любимых партий, это была моя мечта. Решил прослушаться. В Екатеринбурге театр возглавляет Андрей Геннадьевич Шишкин, очень талантливый руководитель — один из тех людей, с которыми мне тоже повезло в жизни. Он принял меня по хорошему контракту, создал такие условия для работы, что все мои финансовые

*С супругой Лейсан и сыном Хайдаром
в минуты отдыха*

проблемы были исчерпаны. С ним всегда очень приятно работать, он деловой человек, всё время ищет какие-то новшества, найдёт выход из любой ситуации. Наше сотрудничество — очень хорошее событие в моей жизни. Главным дирижёром там был Фабิโอ Мастранджолли, с ним тоже сразу сложилось плодотворное сотрудничество.

— **Ваша семья осталась в Уфе...**

— Я не хотел перевозить туда семью, потому что для меня немаловажно, что дети растут на родной культуре. Уфа — здесь мой дом, мои корни, это прекрасное место, прекрасная республика, мои родители живут в Башкортостане. Я не видел смысла начинать всё заново. В принципе, я думаю, что это временное положение...

— **В 2012 году Вы были удостоены главной театральной премии страны — «Золотой маски», что произвело фурор...**

— Да, это на грани фантастики произошло. На конкурс была представлена опера Прокофьева «Любовь к трем апельсинам», номинировались дирижёр и режиссёр, из исполнителей номинантов не было. Поехали, отработали в Москве, как всегда, хорошо. И я про это уже забыл, сижу дома в Уфе — вдруг Андрей Геннадьевич пишет: «Поздравляю! «Золотая маска!» Я обрадовался, подумал, что награждён или дирижёр, или режиссёр. Пишу: «Кто?» Он отвечает: «Ильгам Валиев!» Оказалось, жюри конкурса меня наградило специальным призом за исполнение роли Принца, которую я терпеть не мог! (смеётся). У меня было состояние шока: представьте, как неожиданно-негаданно на голову падает «Золотая маска»! Подарок судьбы. Конечно, я горжусь тем, что легендарный Екатеринбургский театр оперы и балета впервые завоевал такую престижную премию, и это связано со мной. Это очень приятно.

— **Что для Вас важно в партнёрах?**

— Партнёрство на сцене — это очень важно для каждого театрального артиста. Уважаю талантливых в профессиональном отношении людей, но многое зависит и от человеческих качеств. Дружите в жизни с партнёром или не дружите — всё очень хорошо видно с зрительного зала. Бывает, прекрасный певец или певица, но за километр не подойти: «звезда»! Иногда в прямом смысле колотит от партнёров, приходится работать в невыносимо нервной обстановке. И напротив, случаются встречи незабываемые! Так, приехала однажды Вероника Джигоева, известная певица, и, если бы знали, какой добрейшей души человек! Приехала на «Богему», и во время репетиции, и на протяжении спектакля

создалась такая атмосфера доброты, теплоты, взаимной поддержки. До сих пор помню этот спектакль — мы сыграли его на таком воодушевлении! Большого счастья на сцене у меня ещё не было.

Конечно, и в Уфе, и в Екатеринбурге много уважаемых, любимых партнёров и партнёрш. Есть артисты, с которыми всё что угодно можно сотворить на сцене, всегда подыграют, вовремя подхватят. Бывают и другие — ему режиссёр указал, где стоять — и он с места не шелохнётся...

— **Поговорим о публике. Вы ощущаете разницу в приёме публики?**

— Ну конечно, ощущаю. Уфимский театр за период реконструкции потерял зрителей, это обидно до слёз. Не могу понять, в чём дело. Было хорошо в этом плане лет пять-шесть назад, зритель был хороший.

Есть прекрасные национальные оперы, «Кахым-туря», или «Салават Юлаев» — гениальная опера, гордость башкирской музыки. Мы гордимся Салаватом как национальным героем, визитной карточкой нашего народа, республики. Но когда ставится эта опера и приходит полпартера — знаете, до слёз обидно! Зачем же тогда громко хвастать этим именем? Ведь опера — о нём, о его жизни, так придите, послушайте! Неужели неинтересно? Я думаю, что хоккеем — хоккеем, это тоже классно, но что останется в памяти о Салавате Юлаеве — легендарной личности, поэте — название хоккейного клуба, что ли? Я сам любитель хоккея, но и про культуру нельзя забывать! А ведь можно привлечь публику. Должен лишь прийти кто-то из Белого дома, и с ним — пара министров и чиновников, которые приведут свои семьи, друзей. И народ начнёт говорить: «Ух ты, наше начальство идёт! Наверное, это интересно. Почему бы и нам не пойти?» Когда первые лица сидят на хоккейном матче — конечно, народ туда и идёт...

— **А как обстоит дело в других регионах?**

— Возьмём Екатеринбург — там очень много всяких народов: евреев, русских, людей других национальностей. Там традиционно сложилось так, что всегда ходили в театры. В городе работает ещё музкомедия, драмтеатр, но в оперном театре даже на рядовые спектакли — битком полные залы. Это, конечно, команда Шишкина создала такие условия, так сработала, что народ целыми автобусами приезжает.

Думаю, что наш татаро-башкирский менталитет решает многое. Раньше, помню, включаешь радио — звучали арии из опер, они были узнаваемы. Арии из «Салавата», «Кодасы» даже на застольях пели, так как слушали по телевидению и радио, и знали эту музыку! А сейчас на всех каналах — нашествие всяких шоу-программ, попсы. Ладно, если бы передавали хорошие эстрадные концерты, но ведь чаще — плохие. Эти дела переманили зрителя в сторону низкопробной культуры. Вот в этом проблема. Как с этим бороться, я не знаю. Это очень непросто, это надо на уровне министерства культуры решать, и даже выше.

В Екатеринбурге дело обстоит иначе: полные залы на каждом спектакле, гастролы мировых звезд, оперные фестивали каждый год... Это культурная столица страны, и публику эту просто так не проведёшь, она видела многих певцов, разбирается в серьёзном искусстве, и это обязывает артистов. Там плохое пение может обернуться плачевно для любого певца. Вначале у меня было опасение перед выходом на эту публику, но, слава Богу, получаю много хороших отзывов... И в реальной жизни подходят, благодарят, и в сетях пишут. Даже совершенно незнакомые люди.

В июне 2015 года Ильгам Валиев с коллективом Екатеринбургского театра оперы и балета гастролировал в Китае, где были представлены оперы «Риголетто» Дж.Верди и «Тоска» Дж.Пуччини с «коронными» партиями певца — Герцога Мантуанского и Марио Каварадосси — соответственно.

Наша следующая беседа состоялась осенью, когда до Уфы долетели слухи об очередном блистательном дебюте Ильгама — на сей раз в Большом театре России! 29 октября певец исполнил партию Водемона в опере П.И.Чайковского «Иоланта». Звоню Ильгаму в Екатеринбург.

— Ильгам, поздравляю Вас с очередной блистательной победой на сцене главного театра нашей страны!

— Спасибо! Принимать поздравления от земляков особенно приятно!

— Расскажите, как происходило покорение этой «вершины»?

— Я только сейчас начинаю осознавать то, что произошло... Мне позвонили поздно вечером и сказали, что послезавтра надо петь Водемона. Я, конечно, не стал отказываться, ведь не каждый день звонят из Большого! Собрал ночью вещи и утром вылетел в Москву... Пришёл в себя под аплодисменты зала: до того у меня шокое состояние было.

— Какая была предварительная работа, ввод в спектакль?

— На предварительную работу времени не было. Утром дали оркестровую репетицию, вечером — сразу на сцену! Познакомился со своей Иолантой и другими персонажами оперы уже на спектакле...

— Вашими партнерами были известные артисты...

— Да, прославленные солисты Большого театра. Партию короля Рене пел знаменитый бас Михаил Казаков, Динара Алиева, всемирно известная сопрано, прима Большого, пела Иоланту. С дирижёром Антоном Гришаниным я был знаком заранее, пересекались, когда ездил в Челябинск. Так что, заочно в Большом меня знали...

— Партию Водемона Вы пели не раз...

— Достаточно много пел. Премьерное исполнение было в Уфе, потом много раз её пел в Перми под руководством легендарного дирижёра Теодора Курентзиса. Для меня партия не нова, исполнительских проблем не было, просто ещё не приходилось петь в таких экстремальных условиях. Это был настоящий форс-мажор и для меня, и для театра. Наверное, такое бывает раз в жизни. И, надеюсь, что не в последний раз! Хотелось бы попеть и в других спектаклях, но в более спокойных условиях. Попеть в удовольствие...

— Что нового происходит у Вас в этом сезоне?

— Новое в этом сезоне уже случилось, выпустили «Кармен» на французском языке. Довольно успешная была постановка режиссёра — знаменитого Александра Тителя из Москвы. С ним было невероятно интересно работать над ролью Хозе. В мой багаж добавилась ещё одна любимая опера!

— Будем жить надеждой, что услышим Вашего Хозе и на уфимской сцене! Спасибо Вам, Ильгам.

Уфа, Екатеринбург, Челябинск, Пермь, Казань, Санкт-Петербург, Москва... таков далеко не полный список российских городов, где знают и любят Ильгама Валиева. Знают и ждут его и за пределами нашей страны. Остаётся лишь сожалеть, что воспитанник Уфимской академии искусств имени Загира Исмагилова, предмет гордости уфимских меломанов теперь выступает в Уфе изредка, лишь в качестве приглашённого солиста...